

Выборы 1990 г. в Верховную Раду и местные рады народных депутатов УССР открыли новый этап общественно-политических трансформаций в Украине. В результате, в западном регионе победу одержали демократически настроенные депутаты, а отдельные представители Демократического блока стали народными депутатами. В отличие от Польши, где представители оппозиции и коммунистической власти сели за стол переговоров, в Украине политики обеих лагерей пошли путем конфронтации. Среди депутатов очевидным было политическое разобщение, которое усиливалось возникновением коммунистического большинства и некоммунистического меньшинства, в среде которых формировалась парламентская оппозиция (Народная Рада). С этого момента обостряется противостояние между демократами и коммунистами. В условиях отсутствия сильного центра это углубляло политический конфликт и усложняло процесс демократизации.

Как видно из опыта политического развития двух стран, для демократического режима одинаково важна как политическая борьба между партиями в рамках установленных правил, так и поиск с ними согласованных компромиссных решений. С одной стороны, форма отношений между правительством и политической оппозицией детерминирована развязыванием формально-правовое. С другой стороны, она зависит и от политической культуры политических элит и граждан [6, 159].

В условиях низкой институализации парламентской оппозиции, обусловленной недостаточностью юридических основ ее функционирования и отсутствием в политической практике долговременных демократических традиций власть в некоторой мере рассматривала оппозицию как реального противника, а не союзника. В результате, в начале 90-х годов между обеими сторонами не было установлено четких прозрачных правил как взаимной конкуренции, так и взаимодействия. Все это, как в Польше, так и в Украине, не способствовало созданию благоприятных условий для построения компромиссов, готовность к которым является основой здоровой политической культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Zwierzchowski E. Opozycja parlamentarna, [w:] Opozycja parlamentarna /Red. nauk. E. Zwierzchowski. Wydawnictwo Sejmowe, Warszawa 2000, s. 9-29.
2. Godłewski T. Polski system polityczny. Toruń : Wyd. Adam Marszałek, 2005. 229 s.
3. Nowak E. Funkcja rządu partii i ugrupowań politycznych w Polsce (zagadnienia wybrane), „Państwo i Prawo” 1993, z. 6, s. 43-54.
4. Zych J. Wywiad dla “Polityki” 30 września 1995.
5. Бойко О. Д. Общественно-политические трансформации в Украине апрель 1985 – август 1991 гг.): историко-политический анализ. Автореф. дис. д. полит. н.- К., 2003.- 44 с.
6. Krawczyk T. Opozycja polityczna w państwach demokratycznych, [w:] Studia z teorii polityki. Tom III, red. A. Czajowski i L. Sobkowiak, Wrocław 2000, s. 140-159.

ФРИДРИХ АЛЬБЕРТ ЛАНГЕ О «ВЕЛИКОМ СОЦИАЛЬНОМ КРИЗИСЕ»

Д.Д. Эйдукене

Вильнюсский технический университет им. Гедиминаса, Литва

В статье говорится о социальных взглядах немецкого философа и экономиста Альберта Фридриха Ланге (1828 – 1875) на социальный вопрос, которые он изложил в книге [1], вызвавшей оживленную полемику. В полемике участвовали представители разных политических направлений. Либералы и марксисты его яро критиковали, социал-реформисты хвалили. Даже в России Николай Александрович Бердяев в 1899 г. написал статью «Ф.А. Ланге и критическая философия в ее отношении к социализму» [2].

Под впечатлениями французских событий общество Германии в конце XIX века продолжало бурлить. Всех объединил страх. Фактор страха в переживаемой эпохе крупных революций вносил определенную специфику в среду ученых и всего общества. Проблема рабочего вопроса почти никого не оставляла равнодушным. Одни утверждали, что рабочий вопрос — это вымысел, что рабочего вопроса реально не существует. Другие находились под впечатлением слов Маркса, что капитал вызвал разложение старого общества, и потому осуществление социальной революции становится неизбежностью. Третьи полагали, что нормальное общественное и государственное развитие требует только жертв со стороны народных масс и не сомневались в объективности существования социального вопроса.

В разросшейся до грандиозных размеров литературе о рабочем вопросе в Германии выделялся голос Ланге, звучащий особенной струной. Он заявляет, что не может быть никакого сомнения о существовании рабочего вопроса, потому, что он «намечен не каким-то монархом, министром, революционером или вождем партии, а выдвинут, с одной стороны, роковой силой социальных условий, с другой — всеобщим сознанием эпохи»... «Он овладел всеми умами и должен быть признан первостепенным вопросом нашего времени, даже в том случае, если бы мы думали, что истинное его решение состоит в том, чтобы убедиться в его неразрешимости и провести это убеждение в общественное сознание» [1, с. 203-204]. Более того, Ланге понимал, что существование рабочего вопроса опасно. Это «бомба замедленного действия», и первоочередной задачей является сохранение современной организации общества и государства. Потому необходимо быть готовым в случае надобности не только принести ради этой цели значительные жертвы, но и признать вполне естественным недовольство рабочих современным своим бедственным положением.

Ланге обсуждал проблему социального вопроса, которая непосредственно была связана с социалистическим рабочим движением, а общество продолжало игнорировать его. Профессор заявляет, что давно пора и в этом вопросе принять другой тон, отрешиться от безмерного презрения или худо скрытого ужаса, с которыми до сих пор обыкновенно относились к симптомам этого глубокого и значительного движения и с иными чувствами взглянуть на столь естественное при данных условиях явление.

Более того, Ланге заявляет, что желательнее всего, чтобы во всех слоях общества люди образованные, влиятельные занялись изучением этого вопроса так же усердно, как их давно уже изучают вожди рабочих. «Затронуты, ведь, интересы не одних рабочих: речь идет о существовании всего современного общества, или, — правильнее сказать — об успешном перенесении плодов нашей культуры на почву слагающегося нового общества» [1, с. 283]. Рабочий вопрос Ланге называет «вопросом духовного возрождения человечества, изменения всех его взглядов и принципов», который не может быть решен на другой же день после переворота. Для решения данной проблемы необходимо создать целую новую историческую эпоху, в которой зародыши новой социальной жизни могли бы беспрепятственно развиваться, а стремление рабочих классов к самоусовершенствованию и завоеванию достойного существования приобрело необходимую свободу, не имея возможности злоупотребить государственною властью для упрочения незрелых порядков, чрезмерного обобщения субъективных взглядов и приостановки процесса брожения раньше, чем он естественным образом завершится [1, с. 284]. По сути Ланге пытается по-новому трактовать суть и цели рабочего движения, пытается заставить общество другими глазами, без внутреннего страха взглянуть на данную проблему и строить качественно иную стратегию по данному вопросу.

По представлению Ланге, центр тяжести современного рабочего движения и сущность его заключается в великой духовной борьбе, цель и исход которой состоит в победе над теми ложными стремлениями, которые постоянно противодействовали

всякому решительному улучшению судьбы народа в собственном смысле. Но эту борьбу следует понимать не чисто внешним образом, но как процесс, совершающийся в духовной жизни всякой отдельной личности. Таким образом, Ланге пытается доказать, что рабочий вопрос является вопросом всего общества, каждого его члена, и что данную проблему можно решить, но необходимо перестроить отношение к ней и самому рабочему классу в целом.

В связи с этим Ланге заявляет, что «не без основания люди страшатся раба, разбившего свои окопы; но свободного человека страшиться нечего. Поэтому мы и должны желать, чтобы свобода не досталась рабочему внезапно путем рабочего движения. Ничто не устраняет так верно ненависти и жажды мести, как умственная деятельность, направленная к уяснению себе жизненных отношений и достижению определенной цели» [1, с. 289]. Профессор отмечает, что ужасы французской революции были совершены подавленными массами, которые убедились в крушении старых авторитетов, но никогда не принимали действительного участия в возвышенной идейной жизни руководящих умов эпохи. Пора предостеречь человечество, от повторения такого великого несчастья и осторожно и сознательно подготовить новый неизбежный порядок вещей. Поэтому, по Ланге, не следует препятствовать рабочим серьезно изучать свое положение и стараться строго обдуманно средствами ускорить его приближение. Надо радоваться, что они, сознав свои человеческие права и высшее назначение, борются за ту свободу, которая только тому и идет впрок, кто ее сам завоевал. В этом движении, по мнению Ланге, следовало бы видеть не опасность, но скорее первые симптомы избавления от громадной опасности.

Ланге замечает, что сами рабочие не задаются никаким рабочим вопросом и даже неохотно слышат это выражение. Для них существуют всевозможные конкретные «вопросы»: вопрос «зарботной платы», вопрос о «ремесленном образовании», о «фабричном законодательстве» и, наконец, вопрос о «парламентском представительстве» для достижения своих целей.

Профессор указывает на три важнейших источника современного социального вопроса: быстрое развитие индустриализма, возникновение социальной науки и идея гуманности. Особенное внимание он уделяет идеи гуманности, созревшей в XVIII столетии, которая выработала убеждение, что каждое человеческое существо призвано к свободе, развитию и пользованию плодами своих трудов, и что счастье меньшинства, пока оно опирается на нищету и рабство большинства, не имеет нравственного оправдания. По мнению Ланге, «эта идея породила новое представление о сущности права и государства; философская мысль противопоставила исторически сложившемуся государству рациональное государство; возникла мысль, что прочное возведение здания истинной политической свободы возможно только на почве равноправности всех граждан и участия всех в управлении общественными делами» [1, с. 206]. Ланге обращает внимание и на существующий контраст между этими идеями и теми условиями, которые порождены индустриализмом и впоследствии разоблачены анализом социальной науки. Более того, он считает, что именно этот контраст естественно мог вызвать в мыслящих и впечатлительных умах стремление устранить его, и в лучшем случае создать рабочий вопрос для теоретиков и идеалистов.

По мнению Ланге, рабочий вопрос необходимо отнести к тем проблемам, которые снова и снова выступают на сцену истории, хотя их неразрешимость была уже доказана. Но, тем не менее, он заявляет, что «рабочий вопрос» заключает в себе предположение, что он может быть решен. Общественное зло становится проблемой, когда возникает намерение устранить его или, по крайней мере, низвести до минимума» ... [Там же] Ланге убежден, что всемирная история избирает разные пути: не только внешняя победа, но и ряд поражений доставляют новой идее торжество. Он заявляет, что не думаем, что социальный вопрос мог быть решен на другой же день после переворота, потому что по

существо своему это - вопрос духовного возрождения человечества, изменения всех его взглядов и принципов. Поэтому все дело сводится к тому, чтобы создать целую новую историческую эпоху, в которой зародыши новой социальной жизни могли бы беспрепятственно развиваться, а стремление рабочих классов к самоусовершенствованию и завоеванию достойного существования приобрело необходимую свободу, не имея возможности злоупотребить государственною властью для упрочения незрелых порядков, чрезмерного обобщения субъективных взглядов и приостановки процесса брожения раньше, чем он естественным образом разрешится» [1, с. 247]. Ланге убежден, что вопрос о социальной реформе должен сделаться жизненным вопросом для современной европейской культуры.

По мнению Ланге, судьба рабочего вопроса, как и судьба всего общества находится в руках самого общества. Она требует жертв не только со стороны народных масс, но и со всех граждан, к какому бы классу они не принадлежали. Решение этого «великого социального кризиса» во многом зависит от государственных деятелей, от всех тех, кто в состоянии влиять на ход общественных событий. Заняться этим вопросом может только тот, кто свободен от предубеждений и личного интереса, кто понимает, что рабочий вопрос - это «вопрос будущности всей нашей культуры» [1, с. 1]. Все предлагаемые планы, как партиями, так и отдельными лицами, для решения рабочего вопроса Ланге считает не вполне пригодными. Более того, в них он замечает не только некоторое недопонимание, но и определенное лицемерие по отношению к рабочему вопросу: «если бы можно было тайком послушать истинный символ веры разных государственных деятелей и политических практиков, всех фабрикантов и предпринимателей, вкупе с их покорными слугами в рядах прессы, - то от большинства мы услышали бы следующее откровенное признание: «рабочий вопрос есть, по нашему убеждению, не что иное, как вопрос об изыскании путей и средств для приведения рабочих к прежнему доволству своим положением - конечно с наименьшими жертвами с нашей стороны и так, чтобы они не ставили неумеренных требований!» [1, с. 241]. Потому вырастают попытки улучшить взаимное отношение капитала и труда. Тем более, что «не рабочие создали капитал, а, наоборот, капитал сделал возможным существование наличного контингента рабочих. Уничтожение частной собственности, благодаря которой возник капитал и единственно может продолжать свое существование, было бы равносильно уничтожению самих рабочих масс» [1, с. 244]. Но если бы даже приведенный тезис был экономической аксиомой, - он все же заслуживал бы с политической точки зрения безусловного порицания, так как в основе государства, по утверждению Ланге, должен лежать этический принцип. Если допустить гипотезу, говорит он, что «народные массы» состоят не из простых, механически работающих и саморазмножающихся машин, а из людей - с человеческими потребностями, желаниями, страстями, и способных вступить в соглашение, - то нет ничего невероятного, что эти создания капитала додумаются с течением времени до горьких проклятий по адресу капиталистов и что они затем соединятся, чтобы стереть с лица земли своих благодетелей со всем «изобилием плодов их великого дела».

По Ланге, нравственной узды, которая удержала бы их от этого, не существует, - ведь они были созданы ради чужого интереса и служили всегда простым оружием для чужих целей, а, следовательно, никому ничем не обязаны, даже если бы самый факт существования был счастьем, - чем он мыслящим и сознательным людям в их положении казаться, очевидно не может. Более того, они постепенно будут проникаться враждой и ненавистью ко всему, стоящему вне их собственного круга; и это будет продолжаться до тех пор, пока они будут видеть, что никто ни одним серьезным словом порицания не нарушает блаженства и рая имущих. Бесконечное недоверие и «война всех против всех», господствующая обыкновенно в случайно собранных массах рабочего люда, постепенно заменится признанием авторитетов, к которым каждый будет относиться не только с почтением, но с любовью и глубокой привязанностью. Разовьется чувство общей солидарности - но только не людей, - а всех рабочих, и в этом обособившемся мире раскинется сеть той невидимой, но тем более могуще-

ственной естественной организации; которую нельзя ни расторгнуть, ни поставить под полицейский надзор. Тогда-то пробьет решительный час и тысячи людей, не принадлежащих к рабочим, возопиют о спасении привычных, освященных традицией, общественных форм. Тогда-то явится рабочий вопрос в самом мрачном значении этого слова, созданный условиями тех, кто так упорно отрицал его существование [1, с. 247]. Но, как уверяет Ланге, будет тогда уже слишком поздно для теоретического решения рабочего вопроса. Тут, как он говорит, «мы наталкиваемся» на вторую из теорий, отрицающих рабочий вопрос, именно на ту, которая исповедует неизбежность социальной революции как необходимого результата всего хода всемирной истории.

Но Ланге сомневается в неизбежности подобных потрясений и притом потрясений насильственного характера. Он утверждает, что история часто избирает совсем иной путь. Следовательно, социальная революция вовсе не неизбежно тождественна с всеобщей политической революцией. Но, как утверждает Ланге, и эта мысль не отличается неоспоримой верностью: могут сложиться совсем иные комбинации, хотя чисто экономический переворот и будет продолжаться.

Поэтому роль Маркса как практического агитатора и вожака партии не следует смешивать с его значением научного теоретика: промахи практической агитации не должны в наших глазах лишать теорию ее истинного значения и - наоборот - не следует уважение, внушаемое нам его теоретической аргументацией, переносить и на его тактику в жизни. Как психологическая личность, он может быть вполне цельной натурой, но это не значит, что все, им сказанное, имеет одинаковое объективное значение. По мнению Ланге, даже глубококомысленные философы, поразительно правильно понимающие общий характер своей эпохи, обыкновенно не умеют ориентироваться в вопросах минуты и в злобе дня [1, с. 249].

Говоря о марксизме, Ланге подчеркивает, что его программа по решению социального вопроса является отдельной попыткой решить великий социальный кризис. Но в решении данной проблемы должно участвовать все общество по той простой причине, что она является проблемой не одного класса, а всего общества. Это мероприятие, участниками которого является только часть общества. Многие меры, которые принимаются для решения рабочего вопроса, могут, рассматриваемые порознь, казаться далеко не достаточными для достижения великой цели, но взятые вместе сыграть очень существенную роль.

Из этого вытекает совершенно новое воззрение на сущность и решение рабочего вопроса. Рабочий вопрос, взятый во всей своей совокупности, конечно далеко выходит за пределы того, что может предвидеть и чем может руководить отдельная личность, хотя бы это были глубокомысленнейший философ и умнейший политик, - и в этом смысле действительно не существует иного решения рабочего вопроса, кроме того, которое постановит история. Поэтому все наши попытки и проекты, прежде всего - лишь симптомы великого болезненного процесса, указывающие, насколько мы лично захвачены общим потоком происходящего движения умов; но если взглянуть шире, то практические последствия всех экспериментов, как удачных, так и неудачных, суть в то же время факторы великого переворота, совершающегося частью в учреждениях и общественном строе, частью в настроениях умов. Заклятые враги в обыденной жизни нередко бессознательно работают в одном направлении. Иная революционная попытка может привести к усилению государственной власти, между тем как предпринятый сверху опыт подчас подливает масла в огонь, но оба они способствуют развитию нового экономического строя. [1, с. 250-251] Это еще вовсе не значит, что в этом отношении можно действовать, как кому Бог на душу положит, предоставляя остальное случаю. Напротив, критика всевозможных учреждений и проектов должна задаваться гораздо более важной целью, чем решением того или другого вопроса. Необходимо являться освещением и оценкой их при помощи твердых принципов.

Такими принципами в Германии долгое время повсюду считалось «самопомощь» и «государственная помощь», и тем немало осложнили проблему. Ни одно из этих понятий не намечает ясной цели при решении рабочего вопроса, а ведь правильное понимание и оценка средств и путей к достижению цели без уяснения себе самой цели не имеет никакого смысла. Ланге заявляет, что для решения рабочего вопроса необходимо создать целую новую эпоху. Он призывает общество не только идти на определенные компромиссы, но идти с рабочими на более близкий диалог. Профессор мотивирует это тем, что «ужасы французской революции были совершены подавленными массами, которые убедились в крушении старых авторитетов, но никогда не принимали действительного участия в возвышенной идейной жизни руководящих умов эпохи. Пора предостеречь человечество от повторения такого великого несчастья и осторожно и сознательно подготовить новый, неизбежный порядок вещей. Откровенность и правдивость - вот то великое средство, которое одно свободно привести к цели, которое поможет торжество желательных целей и предотвратит опасности. Поэтому не следует препятствовать рабочим серьезно изучать свое положение» [1, с. 248]... В этом движении, как считает Ланге, следовало бы видеть не опасность, но скорее первые симптомы избавления от громадной опасности.

Более того, ученый считает, что необходимо поменять доминирующую в германском обществе трактовку недооценки рабочего класса. Это касается либералов, консерваторов, социал-демократов, в том числе и марксистов: «мы совсем не знаем рабочего класса. ....мы приходим к наивному предположению, будто рабочий и думать не умеет, будто он не имеет правильного представления о своем положении и о тех средствах, которые могли ему помочь. Остальные сословия, в сознании превосходства своей образованности, презирают в рабочем всю его человеческую личность, все его мысли, ощущения и желания, которые, несмотря на полное отсутствие внешнего лоска, часто бывают особенно жизненны и могучи» [1, с. 257-258]. По мнению Ланге, общество отвергает рабочее сословие. Оно уверяет рабочих, что они по своей необразованности еще не созрели до участия в политической деятельности. Им надо сперва доразвиться до понимания великих вопросов. В этом сказывается то же отвратительное смешение образованности с умственной зрелостью. Но просвещение, не должно представлять собою даже временной китайской стены между правоспособными и неспособными членами общества. Даже если ты обладаешь образованностью в высшем значении этого слова, ты не имеешь права считать своего ближнего ребенком. Эта «образованность», приписывающая себе такую важную роль, представляет собою только простой лоск, умение держать себя безупречно и красно говорить, соединенное в наше время зачастую с полной пустотой. Что, если тщеславие и доктринерское самоослепление делают образованные классы неспособными к пониманию таких простых истин, которые народу до осязательности очевидны из самой жизни? Ланге не думает утверждать, что рабочие достаточно способны следить за всеми тонкостями в толковании конституции или читать между строк дипломатические ноты, но и не требуется, чтобы государство, составляющее общественное достояние, управлялось при помощи подобных уловок. Зато вполне необходимо, чтобы законодательство приняло во внимание потребности рабочего сословия, чтобы право подвергло пересмотру в интересах неимущих, чтобы вся общественная жизнь была направлена ко благу масс [1, с. 259]. Более того, Ланге заявляет, что необходимо было бы воспитывать и поощрять рабочих к свободной, законной, но, тем не менее, энергичной борьбе за свое право и интересы. Он убежден, что один уже факт их участия в решении общественных вопросов поведет к таким уступкам со стороны прочих классов, на которые прежде никто бы не согласился.

Ланге отмечает, что не без основания люди страшатся раба, разбившего свои оковы; но свободного человека страшиться нечего. Поэтому-то мы и должны желать, чтобы свобода не досталась рабочему внезапно путем рабочего движения. Исходя из

этого, Ланге заявляет, что вместо того, чтобы предаваться мрачной злобе и тупому отчаянию, обращать свой взор к восходящей заре новой эпохи и стараться строго обдуманно средствами ускорить ее приближение. Нужно постепенно привыкнуть к тому, что мысль, которую ныне все повторяют, как бессодержательную фразу: «рабочие ведь тоже люди», имеет вполне реальное содержание [1, с. 276].

Он предлагает общие принципы, которые могли служить руководящей нитью в лабиринте всевозможных реформ.

Первым из этих принципов служит признание рабочего вопроса. Заставить уверовать о нормальности своего положения или хорошего обращения недостаточно!

Второй принцип состоит в том, чтобы каждое отдельное мероприятие было направлено к действительной и полной эмансипации рабочих от их недостойной зависимости и подчиненности предпринимателям. А это может иметь место только при том условии, чтобы республиканская и конституционная форма фабричной организации сделалась преобладающей или получило широкое распространение. («Фабричный конституционализм» - это участие рабочих, наряду с предпринимателем, в руководстве производством. Органы такого участия он видит в рабочих союзах. - Д. Э.)

Третий принцип сводится к тому, чтобы поднятие материального уровня рабочих шла рука об руку с их умственным и нравственным развитием.

Четвертый принцип состоит в идее неразрывной связи между рабочим и социальным вопросом; он составляет только одно из частных проявлений социального вопроса, хотя в настоящее время и играет господствующую роль. Вопрос сводится к тому, каким образом посредством мирного, но непрерывного воздействия законов превратить целый период прогрессирующей дифференциации имущественного положения индивидов в период возрастающего уравнивания.

Пятый и последний основной принцип заключается в необходимости самой широкой свободы в применении рабочими всех способов, посредством которых они стараются выбиться из своего современного бессилия и унижения. Сюда мы относим не только попытки социальной самопомощи в более тесном смысле этого слова, но главным образом и все национальные и международные союзы рабочих для борьбы с могуществом капитала, всевозможные их ассоциации, их прессу и т.д. Страх, внушаемый этими проявлениями новой силы, конечно, не совсем безоснователен; но еще гораздо более следует страшиться опасных последствий скрытого, подпольного распространения социального недуга и вызываемого им болезненного настроения [1, с. 239-245].

Ланге задается философским и достаточно конкретным вопросом: «Суждено ли вышеуказанным принципам осуществиться в жизни, или же рабочий вопрос разрешится раньше или позже, как разражается буря и как слепая сила природы пробивает себе дорогу среди развалин и ужасов?» И сам отвечает: «Того, кто победит в самом себе упрямый эгоизм, колесо истории не раздавит. Он даже выйдет победителем, хотя ему для этого придется принести в жертву свое вековое право. Мы станем хвалить того, кто, ... сознавая неизбежность личных потерь, воздает должное гуманности и сознательно предлагает свою помощь для более справедливого распределения труда и наслаждений. Если бы подобное настроение сделалась всеобщим, то жертвы были бы незначительны, а выгоды неизмеримы» [1, с. 247]. Ланге - оптимист и надеется, что человечество не будет вечно начинать с варварства, когда на могиле какого-нибудь оживающего культурного периода зарождается новый. Он верит, что та рука, которая ныне протягивается к рабочему с искренним желанием оказать ему помощь, создаст необходимые условия для человеческого его существования. Искусство и наука, гуманность и нравственность вновь пышно расцветут на развалинах старого строя жизни. Просвещение и братство будут тогда теми добрыми гениями, которые постепенно выведут массы из теперешнего их положения. Конечно, эта победа никогда не будет полной, но велик уже будет успех, если идея энергичного и искреннего труда на пользу масс проникнет во всеобщее

сознание и вытеснит мысль о необходимости сохранить во что бы то ни стало освященные традиции, но во многих отношениях несостоятельные порядки.

Ланге оставил глубокий след в дальнейшей эволюции идеи социального правового государства. В теории социал-реформизма звучит и его струна о надежном средстве для прогресса солидарности и равенства, требующем и частной, и общественной, и государственной инициативы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lange F. A. Die Arbeitfrage in ihrer Bedeutung für Gegenwart und Zukunft. Duisburg, 1875.
2. Бердяев Н. А. Ф.А. Ланге и критическая философия в ее отношении к социализму. 1899.

АГРАРНАЯ РЕФОРМА У ПАЛЕСКИМ ВАЯВОДСТВЕ (1921–1939 гг.)

В.П. Гарматны

Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт, г. Баранавічы, Беларусь

Пасля падпісання 18 сакавіка 1921 г. Рыжскага мірнага дагавору тэрыторыя Заходняй Беларусі ўвайшла ў склад чатырох ваяводстваў: Палескага, Наваградскага, Віленскага і Беластоцкага. Плошча Палескага ваяводства складала 36,825 тысяч км² з насельніцтвам каля 1,320 мільёна чалавек (1931 г.), і дзялілася на 10 паветаў: Брэст-Бужскі, Драгічынскі, Камень-Кашырскі, Кобрынскі, Косаўскі, Лунінецкі, Пінскі, Пружанскі, Сарненскі (з 1929 г. у складзе Валынскага ваяводства), Столінскі.

Аграрныя адносіны на тэрыторыі Палескага ваяводства характарызаваліся захаваннем значнай колькасці феадальна-прыгонніцкіх перажыткаў, панаваннем буйнога памешчыцкага землеўладання, безземеллем і малаземеллем сялян, а таксама яго масавым збыдненнем. У 1921 г. 82,0% усяго працаздольнага насельніцтва Палескага ваяводства было занята ў сферы сельскай гаспадаркі (у цэнтральнай Польшчы - 63,8%), на 1931 г. - 81,3% на Палессі і 61% у Польшчы. Глеба пераважна бедная, пясчаная - ураджай жыта складаў прыкладна 480-800 кг з га; у Польшчы - 1136 кг з га. 40% тэрыторыі Палескага ваяводства было забягнана [1, s. 110-115]. У 1922 г. каля 4500 памешчыцкіх гаспадарак (0,9% усіх гаспадарак) валодала амаль 4,7 млн гектараў (58% прыватнаўласніцкай зямлі), вядучае месца ў памешчыцкім землеўладанні займалі буйныя латыфундыі плошчай ад 2 да 10 і болей тысяч га зямлі. Каля 500 магнатаў мелі больш як па 1000 га. Такой канцэнтрацыі зямельнай уласнасці не было ні ў адной з тагачасных краін Еўропы [2, s. 67]. Асобныя зямельныя магнаты (Радзівіл, Патоцкі, Сапега, Тышкевіч, Мяйштовіч, Рачкевіч і інш.) валодалі дзясяткамі тысяч гектараў зямлі. Так, уладанні князя Караля Радзівіла толькі ў Столінскім павеце ("Давідрудж") складалі звыш 155 200 га [3, с. 31]. На іншым баку знаходзілася каля 480 тысяч сялянскіх гаспадарак (больш 99% сельскагаспадарчага насельніцтва), якія валодалі толькі 3,3 млн га (42%) зямлі, прычым 8250 сялян-палешукоў мела ў сярэднем па 0,5 га, а многія былі зусім безземельнымі. У 1927 г. у Палескім ваяводстве колькасць сялян, якія не мелі каня, складала 34,7% гаспадарак, аднаго каня мелі 50,9%. Не мелі кароў 15% гаспадарак, а 18,6% гаспадарак мелі кароў, але не мелі каня [3, с. 31; 50; 4, с. 40].

Сяляне задыхаліся ад недахопу зямлі, цераспалосіцы - у вёсцы нарасталая сацыяльная напружанасць. Каб палепшыць матэрыяльнае становішча мясцовых сялян польскаму ўраду жыццёва неабходна было як мага хутчэй правесці аграрную рэформу.

У Сейме была створана камісія аграрных рэформ. 10 ліпеня 1919 г., у перыяд пад'ёму ў Польшчы рэвалюцыйнага руху, Сейм па прапанове ўрада Падэрэўскага прыняў так званыя "Прынцыпы зямельнай рэформы", згодна якіх ствараўся